

© 2023 г.

В.И. ИГНАТЬЕВ

ПЕРСПЕКТИВА ПОСТСОЦИАЛЬНОГО ТРАНЗИТА: МЕТАМОРФОЗ ДЕЙСТВИЙ И СТРУКТУР

ИГНАТЬЕВ Владимир Игоревич – доктор философских наук, профессор Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, Россия (ighnatiev.v@inbox.ru).

Аннотация. Проверяется гипотеза о возможности трансформации общества в пост-социальное состояние. Проводится экспликация содержания понятия «социальность». Показано, что признаки интенций возможности постсоциальности присутствуют в теории символического интеракционизма и акторно-сетевой теории. Выявлен инвариант социальности. На основе трансдисциплинарного подхода социальность интерпретируется как родовое свойство агрегаций гомогенных и гетерогенных агентов естественного и гибридного происхождения воспроизводить согласованные взаимодействия. Высказано предположение, что потенциал преодоления социальности обусловлен трансформацией отношения «действие-структура», где агентом действия становится виртуальный актор, а функцию структуры принимает техносистема. В результате социальность элиминируется и стремится к сохранению в виде виртуальных эпифеноменов, а социальная жизнь протекает вне непосредственных контактов между агентами.

Ключевые слова: социальное • социальность • постсоциальность • альтерсоциум • постчеловеческий транзит

DOI: 10.31857/S013216250028300-3

Введение. Предмет настоящей статьи – проверка гипотезы о возможном движении сообщества людей к стадии постсоциального состояния. Об этом, в частности, свидетельствует усиление напряжения между агентом и структурой по мере возрастания степени автономности агента, усиленного включением в техносистему, что ведет к деструктурированию социальной реальности. Интерес к изучению этой тенденции представлен в отечественной социологии. Так, П.С. Сорокин отмечает, что «под воздействием трансформирующей социальную среду действия происходит важное изменение в социальной реальности – деструктуризация. Деструктуризация предполагает не только относительную онтологическую независимость индивидуального действия от структуры (то есть наличие определенной степени свободы воли), но и принципиальную зависимость структуры от действия» [Сорокин, 2023: 103–114]. Нельзя исключать сценарий, когда общество под воздействием процессов Четвертой и последующих технологических революций начнет терять базовые социальные характеристики и приобретать постсоциальные техномодифицированные формы как альтернативу человеческой агентности и структуре. Предположение о возникновении наряду с человеческими социальными отношениями особых тоже социальных отношений, участниками которых становятся материальные объекты, было высказано в акторно-сетевой теории [Латур, 2014]. Одним из направлений обсуждения возможных последствий трансформации социальной структуры в результате

взаимодействия человеческих агентов с агентами искусственного интеллекта (ИИ) стало появление концепции «комплементированного постчеловечества» – эссенциокогнитивизма, который трактует комплементацию как объединение человеческого разума и разума ИИ в единое целое с образованием конгломерата когнитивных единиц (ККЕ) [Иванченко, Архипов, 2021]. Их взаимодействие – это один из возможных векторов социальной трансформации – появление нового типа социума с гибридной морфологией. На появление подобного рода отношений как *особых* социальных (с обозначением их как «постсоциальных форм»), в которые включены неживые предметы, обращали внимание К. Кнорр-Цетина и У. Брюггер: «Наплыв объектных миров ведет к трансформации модели связей между людьми, которую можно обозначить понятием постсоциальных форм. Эти формы включают объектные отношения, в которых объектами выступают неживые предметы» [Кнорр-Цетина, Брюггер, 2004: 445–468]. Полагаю, что отсылка к факту появления *особых* предметов в качестве объектов, выполняющих некоторые функции социальных агентов, недостаточна для признания возникающих форм взаимодействия постсоциальными. Такого рода «постсоциальные» отношения остаются все же социальными, поскольку опираются на тот же принцип (код) нормативной регуляции взаимодействий. Хотя следует признать, что в этот код вмешивается ИИ и основанные на нем интеллектуальные машины: боты, промышленные, сервисные и социальные роботы. Как отмечает В.В. Радаев: «В этом компьютеризированном мире социальные отношения превращаются в код и возвращаются к людям уже после прохождения через фильтр машинных алгоритмов» [Радаев, 2022: 25]. Но вряд ли при этом исчезают признаки социального. «Превращение в код и прохождение через фильтр» – это процедуры, не отменяющие содержания механизма оценки ситуации и выбора способа реагирования на действия Другого. Меняются лишь некоторые аспекты этого механизма и аппаратная, а не биологическая «начинка». Тем самым социальное/социальность продолжает воспроизводиться, хотя и на ином гибридном основании. Поэтому присвоение социальным (тоже) отношениям в компьютеризированном мире обозначения *постсоциальных* представляется не релевантным. По крайней мере, для этого требуются дополнительные аргументы. Даже если появляются «трансформированные связи между людьми» (Кнорр-Цетина и Брюггер), то они не перестают быть *тоже*, хотя, стоит признать, *уже и другими* социальными связями.

Структура и действие образуют неразрывное целое с возможностью, на первый взгляд, единственной альтернативной пропозиции: поскольку связи агентов поддерживаются их *взаимной* ориентацией, постольку при ее исчезновении социальность как специфическое качество их коллективности становится невозможной. Но действительно ли взаимность не может быть заменена на что-то другое для продолжения или «реинкарнации» координации, но уже в новом качестве, и каким образом, чтобы согласованные действия не исчезали? Для поиска ответа на этот вопрос требуется предварительно уточнить содержание инварианта социальности, его родовые признаки. Понятия «социальность» и «социальное» иногда употребляются как эквивалентные (с взаимозаменяемыми терминами). Однако и семантически, и онтологически они нетождественны, что специально продемонстрирую далее. *Поэтому центральный вопрос настоящей статьи: что отличает «социальность» от «социального», и не только как понятия или семантические единицы, но как стороны социальной жизни? Это позволит приблизиться к ответу на вопрос: где граница и «красная линия», за которой социальная жизнь людей может приблизиться к точке сингулярности и переходу в постсоциальность? И насколько вообще корректно говорить о некоем возможном состоянии «после-социальности»?*

Социальность как родовое свойство социального. «Социальность» как особое качество любых форм коллективности воспроизводится (конструируется) через *непрерывающийся процесс интеракций* с постоянным активированным ожиданием реакций Другого и обращением к «зеркальному Я», что делает его родовым признаком этих форм. Этот процесс получил отражение в теории символического интеракционизма. В ней ожидания индивидов представлены не столько как продукты состоявшихся согласований,

и не продукты практик, и не состояния, а действующие, постоянно активированные процедуры. Именно в интеракциях постоянно находится в действии *механизм проверки ожиданий*, т.е. всякий раз заново строится модель ситуации и интерпретации. Механизм такой «структуриации» (Гидденс) нельзя остановить, не остановив саму социальную жизнь («реляционность» у П. Донати и М. Арчер) [Донати, 2019; Арчер, 1994]. Здесь социальное и *проявляется как социальность*, выступая тем самым как *механизм воспроизводства согласований взаимодействий*.

Для уточнения сути социального и в попытке обратить внимание на ее сущностную характеристику Н. Флигстин и Д. Макадам ввели понятие «экзистенциальная функция социального» (ЭФС), отражающее качество, которое порождает социальные навыки [Флигстин, Макадам, 2022: 95]. ЭФС – это обеспечение членов группы специфическими коллективными идентичностями и взаимно разделяемыми представлениями о мире [там же: 98–99]. Речь идет о совместном создании смыслов, невозможном без взаимопонимания [там же: 98]. Активная конструирующая деятельность агента, протекающая в формате и через символические интеракции с другими агентами, и есть воплощение качества социальности сообщества. Ускорение трансформации морфологии и социетальных оснований современной социальной жизни требует прояснения условий сохранения фундаментальных принципов ее воспроизводства и целостности. Соотношение агентности и структурности переформатируется. Неизбежно и переформатирование места социальности в социальной жизни.

Необходимость различения социального и социальности – это не перебор семантических коннотаций (или символов) одного и того же понятия, а требование уточнения категориального аппарата общей социологической теории. За чертой предметных областей фундаментальных теорий остается поиск ответа на вопрос о наличии в механизме социальной системы и социального порядка не только *специфических для человеческого сообщества способов поддержания согласованности и целостности связей* (т.е. *человеческой социальности*), но и, самое главное, механизмов, *инвариантных* всем видам и формам коллективности. Сегодня актуальность этого вопроса обострилась в связи с вторжением в повседневную жизнь отдельных людей и их сообществ искусственных систем особого рода – устройств с ИИ. При этом этот вопрос пока остается за пределами социологии, будучи локализованным в сфере междисциплинарных исследований, прежде всего в социобиологии, и концентрируясь в философии, когнитологии, исследованиях STS и ИИ, в теории управления автоматизированными интеллектуальными системами и гуманоидными машинами.

Поиск инварианта социальности, или ответа на вопрос, какие родовые свойства представляют феномен социальности, требует обращения к результатам современных исследований на пересечении социологии и социобиологии. Собственно к тем областям, где специально отслеживается *социальность как способ существования совместно живущих агентов, именуемый социальной жизнью*. Обратимся к трансдисциплинарному ракурсу рассмотрения социального и социальности. Из наиболее примечательных публикаций последнего времени, в которых сделана успешная попытка совершить такой трансдисциплинарный переход к построению инвариантной модели социального, следует выделить исследование И.А. Шмерлиной – одной из немногочисленных представительниц современного отечественного социологического сообщества, работающей в пограничной области социологии и социобиологии. Актуальным, хотя и несколько категоричным, звучит исходный посыл: «в социальной науке до сих пор не сформулирован внятный ответ на вопрос, что есть “социальное”. Понимание социального как не-природного, принятое социологией в качестве аксиоматического допущения, явилось барьером для развития целого ряда плодотворных интуиций полидисциплинарного характера» [Шмерлина, 2019: 7]. Хотя еще Э. Дюркгейм обращал внимание на определенные сходства условий социальной организации во всем животном мире: «Можно даже предположить, что любая организация должна иметь общие черты» [Дюркгейм, 1995: 208]. Тем самым вполне

обоснованно говорить о некоем общем основании (условии) коллективной жизни животных и людей – социальности животных и социальности человеческих сообществ. Однако стала доминировать одна из версий антропоцентрированного социального конструктивизма: «социальный порядок – это человеческий продукт... непрерывное человеческое производство... <он> не является частью “природы вещей” и не возникает по “законам природы”... Он существует *лишь* как продукт человеческой деятельности» [Бергер, Лукман, 1995: 31]. В свою очередь, в этологии было показано, что социальность является не «видоспецифически» человеческим, а универсальным феноменом жизни [Плюснин, 1990; Шмерлина, 2019: 8].

Социальность в широком смысле, в определении И.А. Шмерлиной, «это объективная принадлежность к групповому целому (популяции) и способность контактировать с представителями этого группового целого», «любые формы совместимости, тем или иным способом реализуемые в поведении» [Шмерлина, 2019: 95, 93]. По мнению представителей социобиологии и трансдисциплинарного подхода, у социальности людей и животных единое основание – структуры [Шмерлина, 2019: 93; Плюснин, 1990: 148]. Согласно Ю.М. Плюснину, социальность имманентна самой жизни: «Сообщество обладает свойствами системной целостности, что отражается в появлении специальных структур, обеспечивающих эту целостность...» [Плюснин, 1990: 148]. «Биосоциальность – это имманентное свойство организмов, заключающееся в способности устанавливать и поддерживать взаимодействия с конспецификами на разных уровнях интеграции» [Плюснин, 1990: 45]. Социальность – это изначальная форма жизни на Земле и «может рассматриваться как оптимальный способ организации живого вещества, существующего в дискретной форме и стремящегося к безграничному воспроизводству в ситуации ограниченности ресурсной среды... как способ упорядочения доступа к ресурсам» [Шмерлина, 2019: 127, 128].

Для выбора определения социальности как таковой И.А. Шмерлина предлагает привлечь во внимание представленную Н. Луманом специфику коммуникации как элементарной операции, воспроизводство которой конституирует общество [Луман, 2004: 161]. Тогда социальность предстает как «базирующиеся на общей смысловой перспективе взаимодействия живых существ, преимущественно конспецификов, совершаемые как цепь подсоединяющихся коммуникаций и образующие устойчивые структуры» [Шмерлина, 2019: 151, 152]. Полагаю, что принципиальным недостатком такого определения социальности является включение в него в качестве универсального признака «смысловой перспективы». Впрочем, аргументы в пользу наличия у нечеловеческих носителей социальности «смысловой перспективы» автор не приводит. Тем более неуместна и ссылка на позицию Н. Лумана, модель социальной системы которого формально универсальная, но по содержанию относится к системе коммуникаций людей.

Замечу, что довольно успешная интерпретация инвариантности социальности, предложенная И.А. Шмерлиной, не стала методологическим основанием для следующего этапа ее работы в области теоретической социологии при формулировании авторской концепции «социологии социальных форм» [Шмерлина, 2022]. Удивительно, но сколь пластичным порой бывает применение некоторых эпистемических процедур, позволяющих давать определение объекта («социальная форма»), не соотнося его видовые и родовые признаки! Оппозицией «социальной форме» выступает «не-социальная форма», но каково у этих форм общее содержание? Вопрос остался открытым. Именно в этом случае, несомненно, удачной авторской концепции социальных форм и не хватило усиления в явном виде конструктом «социальность» (к тому же собственной разработки). Могу предположить, что имплицитно автор совершила переход от понятия «социальность» к понятию «социальная форма», заменив «социальность» на «социальное» и представив социальное как коллективную (социальную) жизнь людей. И все же при этом «понятийном транзите» И.А. Шмерлина осталась на позиции интерпретации социальной формы как *способа существования социальности* как таковой! В ее трактовке социальная форма – это феномен, обладающий «особого рода субъектностью»: «Социальная форма укоренена

в «нетранзитивных структурах» бытия, иначе – объективном контексте взаимодействия [...] Социальная форма есть конструкт, созданный из тех семиотических средств, которыми располагает естественная или историческая популяция. Посредством социальной формы отношения между субъектами, складывающимися в той или иной сфере, эксплицируются, и, применительно к человеческому миру, реифицируются» [там же: 115]. Из этого суждения следует, что понятие «социальная форма» может быть применено для обозначения не только социальности людей. Через расширение смысловой нагрузки термина «социальность» и открывается возможность включения в область изучения социальности отнюдь и не только сообщества человеческих агентов. И тогда выводы монографии И.А. Шмерлиной выходят далеко за пределы теории общества людей, повышая статус концепции до трансдисциплинарного уровня со значительным эвристическим потенциалом – возможностью исследовать специфику социальности гетерогенных (гибридных) сообществ. Хотя вряд ли удачно присваивать социальной форме атрибут субъектности (это, скорее, авторская метафора), но за этой метафорой явно стоит попытка автора обозначить субстанциальный (*substantia*) статус социальной формы по отношению к действиям субъектов-акторов как модусам этой субстанции. Поскольку их деятельность различима «в реальном социальном процессе» [Шмерлина, 2022: 115], постольку она есть проявление социальной формы как сущности (*entity*), т.е. проявление социальности.

Социальность: сцепление «лицом-к-лицу». Проявление социального (в социологии применительно к человеческим сообществам) связывают в конструктивистской парадигме со смыслами. *Социальность* людей в этом случае следует понимать как единство структуры взаимодействия и смыслов, определяющих и конструирующих взаимодействия. Образование смысла происходит как включение некоего феномена, события или фрагмента в контекст активности агента действия. Так наделенный смыслом фрагмент приобретает для него значимость. Смысл детерминирован структурой (контекстом), но определяется (назначается, выбирается из структурных характеристик) действующим агентом, который тем самым становится субъектом. Природа смысла инструментальна, как ее постулировал Н. Луман: «Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется – не раньше и не позже. Поэтому смысл – это продукт операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира...» [Луман, 2004: 45]. Смыслы, облаченные в семантические конструкции, выступают как значения.

Наиболее проработанная теория протекания интеракций между людьми получила воплощение в символическом интеракционизме. В нем представлен механизм воспроизводства процедур координации и согласований как процесс и продукты производства символов, что составляет содержание человеческой социальности. Но что универсального содержится в обеспечении социальности посредством символических смысловых интеракций между людьми? Обратимся к механизму символической интеракции, представленному в описании Г. Блумера. В соответствии с теорией символического интеракционизма для людей характерны несимволические (жестовые) и символические взаимодействия [Блумер, 2017: 47]. Г. Блумер подчеркивает, что «человеческое общество или группа состоит из людей, ассоциированных между собой. Эта ассоциация неизбежно существует в форме людей, действующих в отношении друг друга и тем самым вступающих в социальное взаимодействие. Взаимодействие в человеческом обществе происходит специфически и преимущественно на символическом уровне [...] [индивиды] обязательно должны учитывать действия других при формировании своего действия. Они делают это с помощью двойного процесса указания другим на то, как им надо действовать, и интерпретации указаний, создаваемых другими. Человеческая групповая жизнь – это обширный процесс определения для других того, что им делать, и интерпретации их определений; с помощью этого процесса люди приспособливают свои действия друг к другу и формируют собственное индивидуальное поведение» [Блумер, 2017: 49] (выделено мною. – В.И.). Так, социальность как социальное взаимодействие возникает в результате непосредственных взаимодействий людей и существует

как процесс этих непосредственных взаимодействий. Но, подчеркну, продукты этого процесса есть не сама социальность, а объекты с воплощенными в них атрибутами собственно социальности как процесса межличностных интеракций.

Но могут ли такие объекты появляться вне пространства их взаимодействия? Если да, то что, в таком случае, замещает социальность, что передает объектам ее свойство? Блумер подчеркивает, что человек как организм «взаимодействует с собой посредством социального процесса создания указаний для себя» [Блумер, 2017: 54]. Уместен вопрос: если посредником выступают не интеракции и их продукты, т.е. отсутствует социальность, что же человек использует для «указаний для себя»? Что еще может выступать источником указаний, кроме биологических, психических и культурных факторов? Символический интеракционизм обратил внимание на еще одну, хотя и не вполне социальную, природу регуляторов поведения индивида (и все же не выйдя при этом за пределы интерпретации действия как социального): «человек считается [в символическом интеракционизме] “социальным” в гораздо более глубоком смысле – в смысле организма, вступающего в социальное взаимодействие с собой путем создания указаний для себя и реагирования на эти указания [...] Человек... организм, который должен иметь дело с тем, что он замечает» [там же: 55] (выделено мною. – В.И.). Его действие *вырастает из интерпретации*, поэтому есть *интенционально обусловленное действие*. Индивид может направлять свое действие путем создания *указания для себя*. И при этом в ситуации интерпретации характеристик среды индивиду *вовсе не обязательно* удостоверяться в значении действий *других* индивидов. Социальность же – это *сцепление действий*. «Совместное действие всегда должно проходить через процесс формирования... в каждом случае оно должно формироваться заново» [Блумер, 2017: 59]. Следует ли из этого, что отсутствие совместности действий означает и исчезновение социальности? И сохраняется ли в этом случае общество?

Если следовать логике Блумера, то для социальной жизни индивиду достаточно создавать указания для себя, ориентируясь на свои биологические, психические характеристики и на культурные факторы («социальную систему»). Совместные действия возможны, но не необходимы для социальной жизни в определенной раз и навсегда заданной форме. Социальное сохраняется, социальность преобразуется и замещается. Действительно, жить в обществе невозможно без зависимости от него. Но эта зависимость не предполагает неизбежные совместные действия только с непосредственными взаимными ориентациями. Или, добавим, с взаимными ориентациями *только на людей*. Ведь помимо людей в состав современного общества входит техносистема. Также совместные действия и непосредственные взаимные ориентации отсутствуют в социальных сетях – «протяженных связях действий»: «различные участники, находящиеся в различных точках сети, совершают свои действия в этих точках, пользуясь определенными наборами значений. Сеть, или институт, не функционирует автоматически в силу какой-то внутренней динамики или системных требований; она функционирует потому, что люди в разных точках что-то делают, а их действия являются результатом того, как они определяют ситуацию, в которой им приходится действовать». При этом наборы значений «погружены в локализованный процесс социального взаимодействия» [там же: 62]. В этой связи примечательно высказывание Я.Л. Морено: «Дистанция, которая не соотносится с близостью, приводит к символизму, номинализму, одним словом, к *социальной нереальности*» [Морено, 2001: 115]. Впрочем, почему же приводит к социальной *нереальности*, а не вообще к иному социальному или отсутствию социальности?

Перемещение социального: связи и взаимодействия. Расширенную версию толкования феномена социального привнес Б. Латур, представив «социальное» как прилагательное, которое «обозначает не вещь среди других вещей... а тип связи между вещами, которые сами по себе не являются социальными» [Латур, 2014: 17]. Тип связи он обозначил традиционно – «социальное», тем самым заложив и эпистемическое, и логическое противоречие в развернутую им конструкцию ANT, которая была бы более адекватно выражена (и более приемлема для дальнейшего более конструктивного обсуждения эвристического

потенциала концепта «пересборки социального») путем введения пары категорий социального и социальности. И все же особо отметим такой важный нюанс подхода Б. Латура к переинтерпретации и понятия, и возможностей, и задач самой социологии как науки, как обращение внимания не на субъект (вещь, агент), а на предикат (связь).

В АНТ производится «пересборка» подхода к интерпретации социальных феноменов (переключение на другую онтологию), приводящая к переходу исследования от уровня социального на уровень социальности. Ведь в дальнейшем Б. Латур имеет в виду именно две стороны связанных множеств объектов, различая возникающие *формы* (множества вещей и агентов) и *процесс* образования их связанностей, поскольку устанавливать факт пересборки социального невозможно без признания изменений (тоже пересборки) в самих участниках. Тем самым процесс пересборки социального предстает в АНТ как реформатирование (сборка на новом принципе) его форм с сохранением универсального качества – *социальности как некоего принципа воспроизводства связи*. Неудивительно, что с помощью подхода АНТ свойство социальности можно обнаруживать у любых связанных между собой объектов (предметных и символических, живых и неживых). И продолжая при этом использовать термин «социальное». Так, в неочевидной форме процесс «пересборки социального» выступает в АНТ как «пересборка *форм социальности*», а термин «социальное» Б. Латур использует *для показа* (отслеживания, слежения) *способа, пути*, каким образуются связи *как таковые* (не все связано со всем, а по определенным направлениям, с охватом определенных объектов) и между объектами любых типов. Уместно вспомнить Г. Тарда: социальное – это не особая область реальности, а принцип соединения; социальное это циркулирующий поток [Тард, 2016]. Латур признает *инвариантность и скрытый* характер существования социального, наличие некоей его основы, однако не видя необходимости для особого его обозначения («достаточно социального»). Почему? Вероятно, социальность существует, лишь когда активна, в движении. Для АНТ «ни общества, ни социального с самого начала не существует... Социальное не общая мера всех вещей... а всего лишь движение, которое можно уловить только опосредованно» [Латур, 2014: 54–55]. «На самом деле социальные силы не присутствуют в наличии на “заднем плане” и не принимают множества обличий, а сами ассоциации “создают все различия в мире”» [там же: 56]. В версии Латура социальный мир предстает не только как связь, но и как «переплетение взаимодействий», рождающих *коллективные* действия. «Под коллективным действием мы понимаем не действие, выполняемое гомогенными социальными силами, а, наоборот, действие, в котором соединяются и связываются воедино различные типы сил, и именно потому, что они различны... Коллективом же мы будем называть проект сборки (*assembling*) новых сущностей, еще не объединенных и по этой причине явно выглядящих не состоящими из социальной субстанции» [Латур, 2014: 106–107].

Вскрытый Латуром пласт *бытия социального* принимается мною как серьезный аргумент не только в пользу развития альтернативных версий концептуальной интерпретации социального, но и как свидетельство возможности перехода к алтер- или постсоциальности. Ведь одна из идей «пересборки социального» – предлагаемый пересмотр онтологии социального в направлении признания способа его существования не исключительно как непосредственных межчеловеческих интеракций, а как *процесс* перемещения («перевода») социальности как особого качества между гетерогенными объектами. В таком случае социальность предстает как перемещающееся (блуждающее) и меняющее свою форму качество, а связь отдельных объектов (агентов) с множеством может происходить различными способами, и возможно не всегда представленными непосредственными взаимодействиями.

Идея перемещения социальности перекликается со сформулированными Я. Морено тремя версиями возможной эволюции соотношения предпочтений людей и вещей. Предугадывая возможное доминирование в межчеловеческих взаимодействиях особых вещей в виде машин, Я. Морено фактически приходит к признанию возможности исчезновения социального/социальности в обществе, «в котором предпочтения вещей полностью

превалируют над предпочтениями людей, общество, в котором угадали все привязанности к людям» [Морено, 2001: 123]. Вот как, в его версии, предстает общество, лишенное социальности: «Существуют только привязанности к вещам независимо от людей и к людям лишь как к носителям определенных вещей, и вещи бесконечно могут “замещаться” другими вещами. Отдельный человек мог бы достичь счастья и уравновешенности в неведомой для себя прежде степени. Это стало бы техногенной панацеей. Эмоциональные потоки между людьми будут сведены к нулю [...] Возникнет общество, в котором индивиды станут символами, а вещи – единственной реальностью» [там же: 123].

Постсоциальность как возможность. *Непосредственное участие в процедурах поиска, выработки и принятия образцов – первое условие и качество социальности общества людей.* В этом случае утрата социальности означает исключение процедуры непосредственного присутствия Другого/Других и замену их присутствия не индивидами, а их символическими заместителями, как это происходит в случае «погружения» индивида в виртуальную реальность или в процессе свободного движения в пространстве Интернета. Возможно, что переходной версией движения к постсоциальности может выступить, например, «человек-виртуал». Концепт человека-виртуала был предложен Т.Г. Лешкевич как продолжение исследований феномена сращивания человека с цифровыми технологиями [Лешкевич, 2022; см. также: Чернавин, Барина, 2023]. В этих исследованиях интересен один аспект – факты преодоления человеком традиционных социальных связей и переход к другим формам сохранения им социальных качеств и, прежде всего, уход от межличностных интеракций, и переход к коммуникации с техносферой, вследствие чего формируется технологическая «антисоциальность». В этом случае отдельные индивиды самостоятельно конструируют смыслы, ценности и шаблоны взаимодействий, предоставляя их в онлайн всем и каждому в отдельности из участников сетевых коммуникаций (как это характерно для ролевого поведения блогеров). Однако использование виртуальных и онлайн-технологий это только первый шаг устранения социальности, поскольку сама процедура ориентации на Других как цель и потребность (и индивидуальная, и социальная) продолжает сохраняться. Только в случае перехода (переориентации) от учета мнения и реакций сообщества к учету и ориентации на объект другого характера и природы состоится «погашение» социальности. Что может выступить в качестве такого объекта?

Единственным вариантом могут быть не индивиды и их интеракции, а особые продукты их социальной деятельности, полностью погруженной в техносистему и ею формируемой. *Таковыми выступает социальная информация, включенная в социальное пространство и существующая как информационное пространство и информационные потоки.* Можно предположить, что в этом случае возникает особый механизм взаимодействия – механизм «волновой причинности», когда вместо сетевой логики вступает в действие «логика ризомы» [Белогов, 2023]. Поясню. Взаимодействие индивидов с Данными, «очищенными» от включенности в межличностные интеракции, делает для каждого индивида открытым лишь одно поле – Данные в «чистом» виде. Поскольку в моменты использования Данные уже перестали быть включенными в акты производства, то они утратили корни происхождения и вышли из-под контроля создавших их индивидов. Они теперь продолжают существовать в «свободном пространстве» Больших Данных и принадлежат всем и никому в частности. *Утратив контроль над произведенными ими Данными, индивиды вынуждены совершать действия не в условиях ориентации на Других, а в условиях вообще замещения этих Других на символические объекты, ставшие заместителями всего мира людей.* Тем самым происходит реконфигурация социального взаимодействия, и оно перестает быть социальным по своему происхождению, поскольку в нем исчезает главный элемент – человек как «эмпирически противостоящий Другой». Особенность этой качественно иной ситуации в том, что индивиду теперь *никакой Другой не нужен* для поддержания жизнедеятельности тоже в обществе, но не для взаимодействия с Другими и не опосредованно взаимодействиями с Другими. Это не значит, что исчезает необходимость и возможность межличностных интеракций. Нет, дело заключается в том,

что приоритетом и императивом жизни в таком социуме становится ориентация на исключенность из непосредственных или опосредованных межличностных интеракций – своеобразные дауншифтинг и эскапизм, доведенные до возможного предела и ставшие социальной ценностью. В итоге происходит *переход* социального действия в агентность-индивидуальное действие, трансформирующее социальную среду [Сорокин, 2023]. Это особая агентность, *не связанная с созданием структуры взаимодействий агентов*, а с использованием и одновременно формированием и расширением виртуального социального пространства. Социальность замещается ее виртуальными эпифеноменами.

Заключение. Жизнедеятельность индивида постепенно становится изолированной *не от общества*, в виде его продуктов, а от *безусловно необходимых непосредственных взаимодействий с другими* индивидами. В этом и состоит феномен *исчезновения социальности как продукта межчеловеческих взаимодействий*. Ведь теперь шаблонами, схемами и инструкциями целедостижения становятся не репрезентации социальных норм эмпирически представленными индивидами как их агентами, а схемы оперирования с устройствами, содержащиеся в цифровых хранилищах.

В свою очередь, индивидуальные действия меняют социальную среду и генерируют трансформации в самой техносреде. *Полагаю, что это шаг к перестройке социальности и переходу к постсоциальности. В этом случае действия агентов открыто и эмпирически тотально создают структуры, а не структуры создают действия; и становится очевидным, что бытием (онтологией) обладают только агенты, а действия есть их атрибуты. Структура тоже обладает особой онтологией, но форма ее бытия – символические объекты как не-и вне-индивидуальные сущности (enteties). В то время как сами действия – это индивидуально укорененные практики, находящиеся в состоянии постоянной активности, создаваемые и контролируемые конкретными агентами.*

Именно устройства с ИИ и генерации Больших Данных становятся источниками норм взаимодействия и альтернативой структуры, но уже не людей между собой, а людей с машинами. Люди теперь все более вступают друг с другом в коммуникации исключительно для общения в собственном значении содержания этой интеракции – для получения информации и удовлетворения своих эмоциональных потребностей, а не для использования Других как средства целедостижения опосредованно социальной структурой. Теперь Другие обладают формально (технически) равными возможностями доступа к ресурсам (определяемыми техносистемой), и доступ к ресурсам не опирается на принципы разделения функций и кооперации, устанавливаемые только людьми. Разработку этих принципов берут на себя устройства, усиливая, дополняя, замещая и удаляя людей из сферы различных конфигураций сотрудничества, соперничества и конкуренции между собой по поводу производства. А механизмы и процедуры распределения и порядок, и содержание потребления переходят под полный контроль устройств с ИИ.

Перспективой такой трансформации социальности и содержания социальной жизни людей становится их абсолютная разобщенность и одновременно абсолютная интегрированность во взаимодействия с устройствами. Так, техносистема становится заменой сообществам людей, а люди объединяются между собой опосредованно техносистемой, но не интеракциями друг с другом. Сообщества устройств превращаются в разнообразные «сообщества» человекоподобных агентов техносоциальных отношений – в сообщества техносубъектов, формируя технологическую социальность [Игнатъев, 2019]. Вместе с людьми технологическая социальность образует систему гибридной социальности [Игнатъев, 2023]. Но образовав такую систему, эти элементы *утрачивают качество социальности*, поскольку состоявшаяся «пост» есть *замена процедуры согласования* между людьми, киборгами и устройствами с ИИ, на процедуру предписаний и функций, задаваемых единым «организмом» – техносистемой. В ней элементы не согласованы, а функционально взаимосвязаны принципом единства системы. Характер отношения «действие – структура» меняется под воздействием изменений ее морфологии с приходом «виртуального агента» и гибридной техносистемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арчер М. Реализм и морфогенез // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 50–68.
- Белоногов И.Н. Ризома: по ту сторону сетей и иерархий // Вопросы философии. 2023. № 6. С. 91–94.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.
- Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017.
- Донати П. Реляционная теория общества: социальная жизнь с точки зрения критического реализма. М.: ПСТГУ, 2019.
- Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995.
- Игнатьев В.И. И грядет “другой” актор... Становление техносубъекта в контексте движения к технологической сингулярности // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 1. С. 64–78.
- Игнатьев В.И. Морфогенез гибридного социума: онтологизация цифры. Новосибирск: НГТУ, 2023.
- Кнорр-Цетина К., Брюггер У. Рынок как объект привязанности: Исследование постсоциальных отношений на финансовых рынках // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004. С. 445–468.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ВШЭ, 2014.
- Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей эпохи цифры // Вопросы философии. 2022. № 3. С. 53–63.
- Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004.
- Морено Я.А. Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М.: Академ. проект, 2001.
- Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: Теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука (Сиб. отд-ние), 1990.
- Радаев В.В. Экспансия платформ как вызов социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 15–28.
- Сорокин П.С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103–114.
- Тард Г. Монадология и социология. Пермь: Гиле Пресс, 2016.
- Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: ВШЭ, 2022.
- Чернавин Ю.А., Баринаева Г.В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29–39.
- Шмерлина И.А. Биологические грани социальности: Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: ЛИБРОКОМ, 2019.
- Шмерлина И.А. Социология социальных форм: пересборка теории. М.: ФНИСЦ РАН, 2022.

Статья поступила: 06.08.23. Финальная версия: 17.08.23. Принята к публикации: 19.09.23.

THE PERSPECTIVE OF POSTSOCIAL TRANSIT: METAMORPHOSIS OF ACTIONS AND STRUCTURES

IGNATYEV V.I.

Novosibirsk State Technical University, Russia

Vladimir I. IGNATYEV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia
(ighnatiev.v@inbox.ru).

Abstract. The hypothesis about the possibility of society transformation into a postsocial state is tested. The explication of the content of the concept of “sociality” is carried out. It is shown that the signs of intentions of the possibility of postsociality are present in the theory of symbolic interactionism and actor-network theory. The invariant of sociality is revealed. On the basis of the transdisciplinary approach, sociality is interpreted as a generic property of aggregations of homogeneous and heterogeneous agents of natural and hybrid origin to reproduce coordinated interactions. It is suggested that the potential for overcoming sociality is due to the transformation of the “action-structure” relationship, where the virtual actor becomes the agent of action, and the technosystem takes on the function of the structure. As a result, sociality is eliminated and tends to be preserved in the form of virtual epiphenomena, and social life proceeds outside of direct contacts between agents.

Keywords: social, sociality, postsociality, altersocium, posthuman transit.

REFERENCES

- Archer M.S. (1994) Realism and morphogenesis. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 4: 50–68. (In Russ.)
- Belonogov I.N. (2023) Rhizome: On the Other Side of Networks and Hierarchies. *Voprosy Filosofii* [Russian studies in philosophy]. No. 6: 91–94. (In Russ.)
- Berger P., Luckman T. (1995) *Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. (In Russ.)
- Blumer G. (2017) *Symbolic interactionism: perspective and method*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russ.)
- Chernavin Y.A., Barinova G.V. (2023) Man in the space of digital culture. *Voprosy Filosofii* [Russian studies in philosophy]. No. 4: 29–39. (In Russ.)
- Donati P. (2019) *Relational theory of society: social life from a perspective of critical realism*. Moscow: PSTGU. (In Russ.)
- Durkheim E. (1995) *Sociology. Its subject, method, purpose*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Fligstein N., McAdam D. (2022) *Field Theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Ignatyev V.I. (2019) And the “other” actor is coming... Formation of a technosubject in the context of movement towards a technological singularity. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology]. Vol. 10. No. 1: 64–78. (In Russ.)
- Ignatyev V.I. (2022) Object of sociology in the metamorphosis of morphogenesis of hybrid society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 4: 114–124. (In Russ.)
- Ignatyev V.I. (2023) *Morphogenesis of a hybrid society: ontologization of numbers*. Novosibirsk: NGTU. (In Russ.)
- Knorr-Cetina K., Brügger U. (2004) *The Market as an Object of Attachment: A Study of Postsocial Relations in Financial Markets*. Moscow: ROSSPEN: 445–468. (In Russ.)
- Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Leshkevich T.G. (2022) Man-virtual and the transfer of cultural values of the digital era. *Voprosy Filosofii* [Russian studies in philosophy]. No. 3: 53–63. (In Russ.)
- Luhmann N. (2004) *Society as a social system*. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Moreno Y.A. (2001) *Sociometry: Experimental Method and Science of Society*. Moscow: Akadem. proekt. (In Russ.)
- Plyusnin Y.M. (1990) *The Problem of Biosocial Evolution: Theoretical and Methodological Analysis*. Novosibirsk: Nauka (Sib. otd-nie). (In Russ.)
- Radaev V.V. (2022) Expansion of platforms as a challenge to sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 12: 15–28. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2019) *Biological Facets of Sociality: Essays on the Natural Prerequisites of Human Social Behavior*. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
- Shmerlina I.A. (2022) *Sociology of Social Forms: Reassembling the Theory*. Moscow: FNISC RAN. (In Russ.)
- Sorokin P.S. (2023) The problem of “agency” through the prism of a new reality: state and directions of development. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 3: 103–114. (In Russ.)
- Tarde G. (2016) *Monadology and sociology*. Perm: Gile Press. (In Russ.)

Received: 06.08.23. Final version: 17.08.23. Accepted: 19.09.23.